

После того, как Линь Юэцзе повесил трубку, он рассказал своему дяде о словах Дун Цзюньмина, что команде «Царства Чу» не повезет:

— Он что, с ума сошел? Он действительно верит, что если он говорит, что кому-то не повезет, значит, кого-то будут преследовать неудачи?

Линь Синчжи молча подсчитал в уме время и нарисовал более конкретные сроки произошедшей трагедии.

Линь Юэцзе все еще ругался:

— Почему бы ему не поставить на улице киоск, чтобы подрабатывать гаданием?

Гу Юань слегка нахмурился: если бы Дун Цзюньмин действительно «предвидел» или знал что-то, что может привести к несчастному случаю, он мог бы рассказать об этом режиссеру Яо, а не говорить об этом наедине постороннему человеку. Если бы со съемочной командой действительно произошел несчастный случай, а слова Дун Цзюньмина стали бы известны другим, разве это не вызвало бы ненависти?

Линь Синчжи сказал:

— Не обращай на него внимания.

Линь Юэцзе не удержался и сказал:

— Если он знает, что с командой что-то случится, хорошо бы их предупредить, в команде так много людей, но если он скажет об этом только Ци Сысуань, как узнать расскажет она режиссеру Яо или нет? Разве это не сложная ситуация? Она не знает подробностей и Дун Цзюньмин рассказал ей об этом наедине, поэтому может показаться, что это сама Ци Сысуань подстраивает неприятности.

Сказав это, Линь Юэцзе тайком посмотрел на Линь Синчжи, он тоже беспокоился, что у дяди сложится плохое мнение об Ци Сысуань из-за этого, ведь если бы он не позвонил, то боялся, что Ци Сысуань не расскажет ему об этом.

Линь Синчжи взглянул на Линь Юэцзе и сказал:

— Не волнуйся, я не буду сердиться на Ци Сысуань, если она прямо позвонит и расскажет тебе, люди могли подумать, что она хочет использовать тебя, чтобы разобраться с Дун Цзюньмином, в конце концов, у нее нет никаких доказательств, что что-то действительно случится.

Линь Юэцзе вздохнул с облегчением и прошептал:

— Дядя, Сысуань нелегко. Она плакала так несчастно и грустно.

Линь Синчжи не интересовало, плачет Ци Сысуань или нет. Он был готов помочь ей, но не потому, что она плакала, а потому, что он помогал другим, когда мог, особенно в такой ситуации.

Более того, Линь Синчжи чувствовал, что Ци Сысуань была умным человеком. Возможно, это правда, что она не могла сдержать слез, когда кто-то пожалел ее, но было неизвестно, не было ли это сделано намеренно, чтобы Линь Юэцзэ услышал.

Линь Синчжи и Линь Юэцзэ разные: Линь Юэцзэ искренен и легко доверяет другим, а Линь Синчжи привык настороженно относиться к незнакомым людям.

Гу Юань посмотрел на Линь Синчжи и спросил:

— Может, мне рассказать об этом режиссеру Яо?

В конце концов, для Линь Синчжи было бы неуместно пойти к режиссеру Яо, чтобы поговорить о чем-то без доказательств, и отношения между Ци Сысуань и Линь Юэцзэ неизбежно были бы упомянуты. О Ци Сысуань теперь и так ходит много слухов из-за Дун Цзюньмина и если Линь Синчжи или Линь Юэцзэ тоже вмешаются, он боялся, что это окажет большее влияние и они неизбежно тоже станут главными героями сплетен и разговоров.

Даже если Гу Юань не сказал прямо, Линь Синчжи понял, что он хотел сказать, в конце концов, это было неясное и запутанное дело, Гу Юань не любит привлекать к себе лишнее внимание, но он был готов взять инициативу на себя ради него. Поэтому он сказал:

— Все в порядке, предоставьте это дело мне, у меня есть чувство меры.

Услышав это, Гу Юань больше ничего не сказал.

Линь Юэцзэ посмотрел на Линь Синчжи, потом на Гу Юаня. Ему казалось, что он не должен здесь сидеть, он чувствовал, что его дядя и Гу Юань в этом разговоре обменялись многим, чего он не знал:

— А что делать с Дун Цзюньмином? У него вокруг столько женщин, почему он так упорно преследует Си Сысуань?

Линь Синчжи видел сюжет с Дун Цзюньмином в качестве главного героя, мысленно проанализировал его характер и сказал:

— Потому что он не получил ее. По его мнению, никто не может отвергнуть его очарование, и

Ци Сысуань просто набивает себе цену. На самом деле не только женщины, он чувствует, что все мужчины также должны преклонить колени перед ним.

Линь Юэцзэ выпалил слово «черт», вздрогнул и сказал:

— Этот человек психически болен.

Линь Синчжи промолчал. Вместо того, чтобы говорить, что Дун Цзюньмин психически болен, лучше было сказать, что Дун Цзюньмин твердо верил, что он был избранным и главным героем этой книги.

Гу Юань на мгновение помолчал и сказал:

— Если вы напрямую вмешаетесь, это будет контрпродуктивно, а соперничество еще больше подстегнет его желание бороться.

В этом и заключается неполноценность таких мужчин, как Дун Цзюньмин. На самом деле и мужчинам, и женщинам свойственна идея соревнования, просто в разных аспектах, кто-то хочет быть самым лучшим в учебе, кто-то хочет достигнуть славы... даже Гу Юань хочет быть лучшим в актерском мастерстве.

Линь Синчжи тоже это понял и тепло сказал:

— Скоро он будет занят.

Они оба президенты, поэтому он не может быть единственным, кто постоянно работает сверхурочно.

Некоторое время назад Линь Синчжи работал сверхурочно столько, что даже ночевал в компании. Он занимался не только отставкой Лу Цэня. Проект, который забрал Лу Цэнь был перезапущен при поддержке Дун Цзюньмина. Линь Синчжи отменил этот проект в самом начале, и естественно, хорошо осведомлен о его недостатках. Но из-за слепой самоуверенности Лу Цэня, и доверия Дун Цзюньмина к его способностям, они с большим оптимизмом смотрели на этот проект.

Линь Юэцзе больше не мог сдерживаться и сказал:

— Дядя, тебе не кажется, что ты говоришь это как злодей из телесериала?

Линь Синчжи с улыбкой посмотрел на Линь Юэцзе:

— Я могу быть еще большим злодеем, хочешь попробовать?

Линь Юэцзе мгновенно отодвинулся в сторону:

— Нет-нет-нет.

Линь Синчжи сказал:

— Не забывай следить за ремонтом в новой компании.

Линь Юэцзе, которому приходилось работать в Fengxi Entertainment, а также обсуждать с Чжан Яо покупку авторских прав, уже чувствовал, что слишком занят, и, услышав это, легонько похлопал себя по губам и пробормотал:

— Я же говорил тебе, что ты слишком много болтаешь, я говорил тебе заниматься своими делами и не лезть к другим.

После того как все трое закончили есть, Линь Юэцзе использовал членскую карточку Линь Синчжи, чтобы оплатить счет, а затем понес упакованный торт и недоеденные закуски на парковку:

— Где живет дядя Гу?

Гу Юань рассказал ему, где он снимает квартиру.

Чтобы создать возможность для своего дяди, Линь Юэцзе спросил:

— Ты свободен завтра?

— Завтра я вернусь на базу кино и телевидения.

Линь Юэцзе подсознательно спросил:

— Так скоро? Ты что, приехал только для того, чтобы отпраздновать день рождения дяди?

Гу Юань не стал этого скрывать:

— Да.

Линь Юэцзе не удержался и хмыкнул, похоже, дядя не выдавал желаемое за действительное:

— Ты живешь сам?

Линь Синчжи взглянул на Линь Юэцзе.

Гу Юань объяснил:

— Да, я сам снимаю квартиру.

Линь Юэцзе сразу сказал:

— Место, где ты живешь, находится далеко от аэропорта. Как насчет того, чтобы остаться сегодня вечером у меня дома, а завтра я отвезу тебя в аэропорт?

Хотя Линь Юэцзе предпочел бы сказать, что пусть Гу Юань живет в доме Линь Синчжи, и тот отвезет его завтра в аэропорт, но он знал некоторые привычки своего дяди, нехорошо принимать решения от чужого имени, чтобы не создавать дяде трудностей, поэтому и предложил свою собственную квартиру. А если его дядя не будет против, он может пригласить Гу Юаня таким же образом. Линь Юэцзе чувствовал, что он действительно борется за счастье дяди, и поэтому с чистой совестью попросит на Новый год большой красный конверт.

Гу Юань на мгновение не знал, что ответить.

Как генеральный директор, Линь Синчжи лучше всех умел использовать возможности и сразу же сказал:

— Как давно ты знаком с дядей Гу? Брат Юань, пожалуйста, оставайся на ночь у меня дома. У меня есть комната для гостей.

Гу Юань хотел отказаться и посмотрел на Линь Синчжи. Тот просто пристально смотрел на него, и это было очень странное чувство, поэтому он сказал:

— Хорошо, тогда я тебя побеспокою.

При слове "хорошо" Линь Синчжи изогнул брови, его голос стал бессознательно мягким:

— Ты не доставишь мне проблем.

Линь Юэцзе: ...

Конечно, он тут лишний.

Линь Юэцзэ, который чувствовал себя лишним, взял на себя инициативу сесть на водительское сиденье, затем положил упакованные закуски на пассажирское сиденье и сказал:

— Дядя и дядя Гу, пожалуйста, сядьте сзади.

Линь Синчжи, который совсем не был готов сидеть на пассажирском сиденье, все же решил не спорить с Линь Юэцзе и ответил:

— Хорошо.

Линь Синчжи и Гу Юань сели сзади, и Линь Синчжи позвонил режиссеру Яо:

— Режиссер Яо, я слышал от других, что Дун Цзюньмин в приватной беседе сказал, что нашей съемочной группе не везет, поэтому не стоит приходить туда в течение полумесяца, чтобы не запятнаться невезением.

Кино- и телеиндустрия придает большое значение таким вещам. Даже если у режиссера Яо хороший характер, даже она рассердится, услышав это:

— У него действительно много денег, но явно не та фамилия, он что, думает что он император?!

Линь Синчжи уже был в хорошем настроении, поэтому не мог не поднять уголок рта:

— Дун Цзюньмин довольно плохой человек. Из-за того, что произошло с Чжао Каном раньше, я попросил сотрудников службы безопасности усилить бдительность и не допускать, чтобы Дун Цзюньмин что-либо делал.

Он действительно должен поблагодарить Дун Цзюньмина за эту готовую отговорку и сразу же использовал ее в качестве оправдания и продолжил:

— Методы семьи Дун склотить состояние не такие уж честные. Всегда нужно быть осторожным.

Режиссер Яо больше беспокоилась о безопасности съемочной группы:

— Ничего не поделаешь, просто я боюсь, что это повлияет на график съемок.

Как крупнейший инвестор, Линь Синчжи тепло сказал:

— Осторожность — это самое главное, для меня нет ничего важнее безопасности, режиссер Яо, если потребуются дополнительные расходы, сначала используйте средства, отложенные на поздний этап съемок и рекламу, я придумаю, как их возместить, когда придет время.

Режиссер Яо улыбнулась:

— Все в порядке. У меня все еще есть связи, когда придет время, я все еще смогу найти старых друзей и принять участие в некоторых программах для продвижения.

Линь Синчжи и режиссер Яо обменялись еще несколькими словами, и оба заключили молчаливое соглашение не упоминать отпуск Гу Юаня. В конце концов, с учетом важности и серьезности отношения Линь Синчжи к Гу Юаню, любой внимательный человек поймет что к чему. После телефонного звонка Линь Синчжи сказал с улыбкой:

— Режиссер Яо сказала, что Дун Цзюньмин думает, что он император.

Линь Юэцзе не мог сдержать смеха, когда услышал это.

Поскольку Линь Юэцзе жил ниже, он вышел из лифта первым, без Линь Юэцзе, который болтал по дороге, в лифте сразу стало тихо.

Вернувшись домой, Линь Синчжи достал новые тапочки для Гу Юаня и показал, что где находится. Наконец, он остановился перед комнатой, заполненной деревянными скульптурами кошек, толкнул дверь и включил свет внутри.

Гу Юань увидел комнату, полную маленьких и больших аккуратно расставленных деревянных резных фигурок, он был немного удивлен и посмотрел на Линь Синчжи:

— Это...

Когда он был за границей, то часто смотрел видео с этими кошками, вырезанными из дерева, а также упоминал, что когда он вернется в Китай, то по возможности купит несколько, чтобы поставить их у себя дома. Только вот когда он вернулся в Китай, у него просто не было времени, сил и денег, чтобы собирать эти вещи.

Линь Синчжи, возможно, немного нервничая, взял Гу Юаня за руку, как он представлял себе бесчисленное количество раз, привел его в эту комнату, достал деревянную фигурку кошки, похожую на сердце, вложил ее в руку Гу Юаня и сказал:

— Брат Юань, это подарок на воссоединение, который я приготовил для тебя.